

2013
август
№8 (170)

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.**
Юрий Левитанский

К 70 — ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ХАРЬКОВА

641 день длилась оккупация Харькова. Только с четвертой попытки город был окончательно освобожден.

В четырёх битвах за Харьков и за время его двукратной оккупации СССР и Германия потеряли больше людей, чем где-либо ещё в истории Второй мировой, включая Сталинград. Городские старожилы утверждают, что Харьков не стал городом-героем потому, что Сталин считал позором для РККА освобождение Харькова лишь с четвёртой попытки (в январе-феврале 1942, в мае 1942, в феврале 1943 и в августе 1943).

Харьков был настолько большим по площади и укрепленным оборонительными рубежами, что пять советских армий трёх фронтов — Степного маршала Конева, Воронежского генерала Ватутина и Юго-Западного генерала Малиновского — брали его 18 дней, с 13 по 30 августа.

В утренней дымке 13 августа — окраины истрадавшегося Харькова. Из рук в руки передавалась листовка политотдела соединений, в которой говорилось:

«Товарищ, друг!

Перед тобой истерзанный врагом, но гордый и непреклонный Харьков. Он ждет часа своей свободы. Он ждет, когда ты поднимешь над ним алое знамя Советов. Напрями все силы! Не теряй ни минуты! За наш любимый Харьков — вперед!»

С трех сторон советские войска сражались за Харьков: 7 гвардейская танковая армия Михаила Шумилова наступала из района Тракторного завода.

69 армия Василия Крученкина наступала с севера через Черкасскую Лозовую и Лесопарк на Большую Даниловку и Сокольники.

53 армия Ивана Манагарова наступала с северо-запада от Пересечной через реку Уды.

Самой первой освобожденной частью нынешнего Харькова стала Большая Даниловка, частично (поскольку она длинная) освобожденная 69 армией 12 августа — за 11 дней до освобождения центра. 13 августа 57-я армия освободила Рогань, находившуюся за тогдашней городской чертой, а 7-я гвардейская армия в тот же день частично — изолированный от остального города Орджоникидзевский район (посёлок ХТЗ), взяв станцию Лосево.

15 августа 69 армия освободила Сокольники, частично заняв взлётную полосу ХАЗа, то есть немецкий военный аэропорт Харьков-Центральный. Нагорный район, центр, запад и восток города (кроме юго-запада и юго-востока) были освобождены от немцев 23 августа.

Уникальный факт: оба раза, утром 16 февраля 1943 года и утром 23 августа, первыми освободили сердце Харькова — площадь Дзержинского — воины 183 стрелковой дивизии полковника Василевского. Только в феврале они вошли на площадь со стороны Алексеевки, а в августе — прямо по Сумской. Символом победы стал красный флаг над Госпромом, водруженный утром 23 августа.

Самыми последними освободили районы Змиевской улицы (29 августа) и отдаленный от города рекой Уды изолированный Краснобаварский район (30 августа), то есть юг города. Окончательно угроза контрудара немцев в

центр города была ликвидирована 5 сентября, когда советские войска освободили Мерефу.

23 августа 1943 г. немцы отступили из города на южную окраину, в Красную Баварию и в район аэропорта, при этом каждый день обстреливая артиллерией и даже миномётами центр Харькова.

Харьков в результате войны оказался одним из самых разрушенных городов в Европе. Были уничтожены десятки памятников архитектуры, вывезены в Германию многочисленные художественные ценности, в т. ч. картины и гравюры Рубенса, Веласкеса, Дюрера, Ван Дейка из Художественного музея. Писатель Алексей Толстой, посетивший город в 1943 году, писал: «Я видел Харьков. Таким был, наверное, Рим, когда в пятом веке через него прокатились орды германских варваров. Огромное кладбище...».

Общий ущерб городу составил 33,5 миллиарда рублей. Западные эксперты предсказывали, что на восстановление города понадобится 50 лет...

Пустыри и развалины на месте разрушенных кварталов напоминали горожанам о войне вплоть до середины 1960-х годов. На одном из памятников в Харькове высечены слова: «Герои не умирают. Они обретают бессмертие и навсегда остаются в памяти нашей, в свершениях наших, в великих деяниях грядущих поколений. Жизнью своей потомки обязаны им».

Об одном из таких людей рассказ Давида Риссенберга.

23 АВГУСТА: НАШ МАЛЫЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

М. Гольберт

23 Августа — пароль свободы родного края. Флаг освобождения. Кто же поднял над городом первый Флаг? (*Воспоминания говорят, что над Харьковом в эти дни были подняты три флага Победы.* — **Ред.**) Наш земляк и соплеменник Михаил Хаимович Гольберт.

До войны и после он жил на Артема, 24. (Неплохо было бы установить на стене этого дома мемориальную доску)... Работал на радиозаводе начальником узла связи (в 30 своих предвоенных лет).

Война. Эвакуация в Касли Челябинской области. Затем фронт, ранение. В госпитале был недолго. Снова фронт, уже Сталинградский. И там ранение, и там госпиталь. Но была и встреча, определившая дальнейшую фронтовую и человеческую судьбу Михаила, с начштаба полка. Его имя хорошо известно харьковчанам — капитан Рудик. Оба с Украины — «вместе будем освобождать и Харьков, и Днепропетровск». Не забыл, видно, своих слов

Память... Самое высокое и благородное духовное проявление. Память обращена к людям или к датам. Или к тем и другим вместе, если даты собою определяют саму сущность людей. И тогда такая память нам особенно близка и дорога.

майор Рудик, уже командир полка на Курской дуге. Разогнулась она и ударила по проклятому врагу, высекая искры первых победных салютов...

Харьков рядом с Белгородом. Полк, которым командовал майор Рудик, должен атаковать Харьков со стороны Салтовского шоссе. В селе Циркуны майор ставит каждому из своих командиров задачу и обращается к командиру взвода ст. сержанту Михаилу Гольберту: «Первый флаг на земле Харькова перед началом атаки поднимет твой взвод на трубе кирпичного завода» (первое предприятие на северной окраине города по ул. Механизаторской. Теперь там станция метро Академика Павлова). Но назавтра на местности командир полка Рудик был сражен фашистской пулей. Похоронили его в Циркунах. Взводу предстояло выполнить последний его приказ.

Рассвет 22 августа. Взвод идет к заводу, пехота впереди расчищает путь. И вот они на территории. От осветительных ракет светло как днем. Возле сушиллки разделились на 2 группы. Первая прорывается к трубе, вторая прикрывает. Михаил Гольберт у пулемета. И вот обе группы у трубы. В подвал спускается Химченко, находит внутренние скобы (внешних нет), поднимается. Но на верхней скобе пуля сражает бойца. Спускается сибиряк Васильев. Убит и он. Подносчик дисков Ивкин толкает командира в бок: «Разрешите, я пойду...». Гольберт молча передает ему пулемет и спускается в подвал сам. Со скобы на скобу, со скобы на скобу

— вот и верх трубы. Ставит ногу на предпоследнюю скобу, другой упирается в верхнюю.

И вот в родном харьковском небе гордо развевается красный флаг. А освободителям предстоял путь дальше — на Большую Даниловку. Оттуда — к кожевенному заводу, где шел большой бой. Но и кожевенный взят. И снова — вперед по Журавлевке, а там поворот на Пушкинскую. Всё ближе самая родная его улица:

— Товарищ командир, разрешите с ребятами забежать домой!

— Быстро! И догоняйте нас.

Догнали — на Чернышевской. Там немцы «пришли в себя» — сильный артиллерийский обстрел. Михаилу осколок пробил легкое — снова госпиталь, но в родном городе. А потом освобождать другие города юга Украины. И «серым» увидел герой «Дунай голубой».

Закончились бои. Началась для солдата мирная жизнь. Начал работать там, недалеко от кожевенного — на заводе «Рембыттехника» — стал делать Михаил наградные планки для своих боевых побратимов. Сделал и себе к четырем медалям и к главной награде: ордену, имя которого — водруженное им Красное Знамя.

Женился, родилась дочь. И всё бы хорошо, но беспокоила Михаила старая рана. Диагноз врачей — неизлечимый туберкулез. Умер солдат в год 20-летия Победы. Он ушел из жизни, но сама жизнь уходит все дальше — к постоянному завтра. И оставляет за собой Память. Самую глубокую, благородную и благодарную — память о тех, благодаря кому — существует.

В Харьковском музее Холокоста (ул. Петровского, 28) продолжит работу фотовыставка «Харьков. 1941-1943» из архивов Германии и личных архивов.

8 августа в 18.00 на центральной аллее Сада им. Т.Г.Шевченко на месте проведения митинга в честь освобождения Харькова в 1943 году откроется фотовыставка «Харьков. 1941-1943».

21 августа в 12.00 состоится возложение цветов на Мемориальном комплексе на месте бывшего еврейского гетто.

Праздничный день 23 августа начнется с торжественных церемоний возложения цветов:

в 9.00 — на Мемориале Славы в Лесопарке;

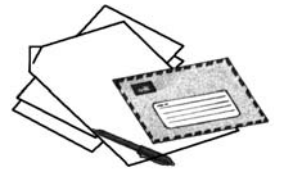
в 10.00 — к памятнику основателям города Харькова и на Мемориальном комплексе «Дробницкий Яр».

В 11.00 на площади Конституции состоится церемония вручения городу Харькову Почетной Таблицы Совета Европы.

НАМ ПИШУТ

Со дня выхода предыдущего номера газеты редакция получила несколько писем и множество телефонных звонков, которые мы не можем оставить без внимания, тем более все они затрагивают проблемы Мемориала в Дробицком Яру. Проблемы, к сожалению, не уходят и будоражат время от времени еврейскую общину и жителей Харькова.

Ниже мы публикуем некоторые материалы.

ПОСЕЩЕНИЕ ДРОБИЦКОГО ЯРА

По роду своей деятельности я за последние 25 лет часто посещаю Россию, Украину и Беларусь. В июле 2013 года у меня были назначены многочисленные деловые встречи в Москве и Киеве. В этот раз в моей поездке меня сопровождала моя жена, и мы решили исполнить наше давнишнее желание — посетить Харьков, где выросли и учились моя мать и ее младшая сестра Белла Идлин.

Белла была преподавателем географии в школе. Она была замужем за Николаем Волосевичем (отцом известного писателя Георгия Владимова). В 1940 году у них родилась дочь Алена, а в декабре 1941 года 33-х летняя Белла в числе тысяч других евреев прошла свой последний путь и была расстреляна в Дробицком Яру. Посетить Дробицкий Яр и была главная цель нашей поездки в Харьков.

Я много слышал и знал о Музее Холокоста в Харькове и о его директоре Ларисе Воловик, но я никогда не встречал ее лично. Лариса Фалеевна приняла нас тепло и участливо. Вскоре к ней присоединилась ее сотрудница и помощница Юлана Вальшонок. Щедро, не жалея времени, они показали нам музей, все его экспонаты, а так же документы и материалы, которые бережно хранятся в архиве музея. Мы были восхищены энтузиазмом и преданностью делу этих двух замечательных женщин. Было очевидно, что увековечивание памяти о погибших и твердое намерение довести до сознания людей младших поколений и нынешних детей все детали страшной трагедии еврейского народа являются целью и содержанием их жизни. Они не жалеют ни своих сил, ни времени на выполнение этой благородной миссии и на интенсивную просветительно-образовательную работу. Нам показалось, что такой музей заслуживает большего помещения и большего числа сотрудников, он не должен держаться только на энтузиазме и героических усилиях двух человек.

После детального осмотра Музея Лариса Фалеевна привезла нас на место бывшего еврейского гетто. Памятная стела у входа в бывшее гетто содержится в большом порядке и вполне достойна своего назначения. Огорчило только то, что поляна с деревьями вокруг этого памятного сооружения засорена бытовым мусором, который совсем не трудно было бы убрать за несколько часов. В ответ на наши вопрошающие взгляды Лариса Фалеевна сказала, что этот участок зем-

ли находится в ведении коммунального предприятия «Харьковблагострой».

Главной целью нашего приезда в Харьков было посещение Дробицкого Яра. С замиранием сердца мы шли по дороге к Мемориалу, представляя себе многотысячную толпу стариков, женщин и детей, идущих к смерти.

Огромное пространство, занимаемое Мемориалом, подчеркивает масштабы трагедии и вызывает смешанное чувство боли и благодарности администрации города и его жителям, не пожалевшим земли на сохранение памяти тысяч невинно уничтоженных людей.

Однако сам Мемориал огорчил нас до боли в сердце.

Во-первых, — на величественном высоком сооружении крупными буквами написано МУЗЕЙ МЕМОРИАЛА. Мы не поняли, что это значит. Надпись оказалась нам полной бессмыслицей, ведь слово «мемориал» означает памятное сооружение или памятник, а «музей» — это учреждение, занимающееся сохранением множества предметов, имеющих историческую или художественную ценность. На памятнике не может быть написано, что он музей памятника.

В действительности, там нет музея, все материалы — экспонаты и документы хранятся в Музее Холокоста, а в Дробицком Яру стоит торжественный и величественный памятник (мемориал) невинным жертвам.

Во-вторых, — на фасаде Мемориала висят два больших стенда. На одном из них написано о массовом расстреле, но не указано, сколько тысяч людей было уничтожено. На втором же описана казнь трех фашистов-убийц и приведены крупные фотографии других палачей. Таким образом, увековеченными оказываются

убийцы, а не убитые. На это тяжело смотреть.

Это несоответствие намерений и их воплощения усугубляется еще и тем, что сзади мемориала имеется более поздняя могила с памятником, на котором четко и ясно написано, что там захоронены тела 150 человек, убитых в гетто и пере-

несенных в Дробицкий Яр. Почему же цифра 150 увековечена, а цифра 16000 — нет!? Через два-три десятка лет люди будут думать, что в 1941 году в Дробицком Яру немецкими фашистами было убито 150 человек.

На память приходят слова генерала Эйзенхауэра, который во время освобождения узников Дахау приказал своим офицерам фотографировать все тела убитых, потому что, сказал он, «через 30 лет какой-нибудь негодяй скажет, что этого не было».

В-третьих, — на стенах подвального помещения, расположенного под монументом, написаны имена расстрелянных, но в некоторых местах имена смыты расплывшимися пятнами либо грунтовых, либо стекающих с потолка потоков воды. В мемориале такого уровня это недопустимо. Уж лучше не писать имен вообще, чем демонстрировать такое оскорбительное пренебрежение к ним.

В ответ на наши недоуменные вопросы Лариса Фалеевна только развела руками — она думает так же, как и мы, но пока не может это изменить, потому что Мемориал не находится в ведении Музея Холокоста.

Возможно, всему этому есть объяснение, возможно, ответственные за Мемориал люди перегружены другими обязанностями, а возможно, это банальные халатность и равнодушие.

Не вызывает сомнения, что если бы за Мемориалом следили неравнодушные, ответственные, преданные идее люди, он был бы в идеальном порядке и его посетителям не пришлось бы испытывать боли и стыда перед погибшими и погребенными там тысячами невинных людей.

Наконец, еще одно тревожное явление: на одном из холмов Дробицкого Яра начата постройка частного дома. Если это строительство не будет остановлено, то появится много желающих возводить там свои дома и через несколько лет такие особняки займут всю поверхность этой священной, пропитанной кровью земли.

Все это тем более огорчительно, что харьковские Музей Холокоста и Мемориал являются первыми и уникальными на постсоветском пространстве. До самого последнего времени ни в одном другом городе не было памятников такого масштаба и уровня. Если бы они находились в идеальном состоянии, весть о них разнеслась бы по всему миру, привлекая тысячи посетителей из разных стран.

Не знаю, позволит ли нам судьба еще раз приехать в Харьков, но хочется верить, что наши впечатления и слова будут услышаны, состояние Мемориала изменится в лучшую сторону, и мы сможем со спокойным сердцем рассказывать о Мемориале «Дробицкий Яр» в нашей русско- и англо-язычной прессе.

Леонид Стонов,
Международный директор
американской правозащитной
организации — Объединение Комитетов
в поддержку евреев в бывшем
Советском Союзе.
Чикаго, США

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ДРОБИЦКОГО ЯРА!

Мы, бывшие узники харьковского гетто, чьи родители, близкие родственники зверски расстреляны в Дробицком Яру, узнали, что кому-то пришлось в голову на месте такого злодеяния создавать Парк Миротворцев, устанавливать таблички разным людям, никакого отношения не имеющим к трагедии, которая там произошла.

Для нас Дробицкий Яр — святое место, и мы приходим сюда, чтобы поклониться праху наших родителей, братьев и сестер, дедушек и бабушек. Это место — единственное, что от них осталось.

Почему те, кто это придумал, даже не поинтересовались нашим мнением?

Кто дал им право превращать место трагедии в парк отдыха?!

Мы требуем остановить самодетельность на месте страшной трагедии и немедленно снять все установленные таблички. Найдите другое место для своих проектов, уважайте человеческую трагедию. Мы будем всеми силами добиваться справедливости вплоть до митинга перед горисполкомом.

**От имени и по поручению членов
областной организации бывших узников
гетто и христиан-спасителей
председатель организации
Елена Исаевна Шербова, награжденная
орденом Княгини Ольги
за мужество, проявленное в годы
Великой Отечественной войны**

НАМ ПИШУТ

Лариса Воловик

ДРОБИЦКИЙ ЯР СЕГОДНЯ. *Мнение*

Принимая гостей в музее Холокоста, мне, по их просьбе, иногда приходится сопровождать их в Дробицкий Яр и проводить экскурсии там. Это, в основном, гости со всех континентов — Европа, Америка, Австралия, Азия. Среди них — люди, видевшие музеи и мемориалы Холокоста в разных странах, высококультурные, владеющие темой. Каждое новое посещение Мемориала оставляет у меня тяжелое чувство: во-первых, от самой темы; во-вторых, от сознания, как можно испортить впечатление некомпетентными и непродуманными действиями. Я не буду повторять все то, что мне сказали при посещении супруги Стоновы, приехавшие из Чикаго. Прошло время, и Леонид Стонов прислал в редакцию письмо, которое газета публикует, т. к., похоже, его сильно «впечатлило» (в отрицательном смысле слова) увиденное. Кстати, имени его расстрелянной тети на планшетах в Зале имен нет, как и нет многих других. Я рада, что мы смогли найти ее имя в мартирологе музея Холокоста.

Каждый новый руководитель КП Дробицкого яра, основная задача которого содержать мемориальный комплекс в надлежащем порядке, начинает с того, что ни с кем не согласовывая свои действия, вопреки проекту, занимается «украшательством, окультуриванием» самого Мемориала и всей территории. При этом я вспомнила слова, сказанные в Дробицком Яру в 2005 г. о том, что Дробицкий Яр пора оставить в покое и не менять его ландшафт, главный архитектор Харьковской области Юрий Шкодовский произнес тогда: «природа-лучший архитектор», и я полностью с ним согласна. Время уже изменило этот ландшафт до неузнаваемости, а еще и непродуманные действия руководства КП (коммунальное предприятие).

Мемориальная зона Дробицкого Яра, места величайшей катастрофы харьковского еврейства, превращается постепенно из места трагедии в Парк отдыха — высаживаются деревца, разбиваются клумбы и аллеи, устанавливаются таблички с именами людей, несвязанных с трагедией Дробицкого Яра. Вся эта самостоятельность не согласована ни с главным раввином Харькова и Харьковской области (мы говорили с ним на эту тему), ни с еврейской общиной, ни с теми, чьи близкие расстреляны в яру.

В Харькове есть три мемориальных комплекса, связанных с трагическими событиями Второй мировой войны — мемориал Славы в Лесопарке, мемориал Жертвам тоталитаризма (польский мемориал) и мемориал в Дробицком Яру. Никому ведь не придет в голову сажать деревья, разбивать новые аллеи на первых двух (я представила себе, как прихожу к мемориалу Славы и устанавливаю там табличку, посвященную расстрелам на этом месте евреев, меня сразу бы забрали в райотдел. И это несмотря на имеющиеся у меня документы и схемы из архива СБУ о том, что здесь в 1943 году нацисты, действительно, расстреляли евреев). Повторяю — на первых двух мемориалах это не придет никому в голову. А вот на месте расстрелов евреев это можно сделать!

Я попыталась, пост-фактум, поговорить с директором КП (он просто бросил трубку), с руководителем молодежного проекта «Евреи на карте Украины» (он так и не встретился со мной, хотя заверял, что сделает это, и чтобы я не спешила с выводами — я ждала месяца). Самое неприятное в произошедшем то, что они до сих пор не поняли, что места массовых расстрелов безвинных людей, места трагедий — это не места для

парков, их не украшают, «не окультуривают», на таких местах не занимаются самостоятельностью. А самое горькое — если молодые люди, многие из которых евреи, до сих пор не поняли этой простой истины, если Дробицкий Яр для них только место, где они могут воплотить свои проекты и гранты, значит мы их достойно не воспитали.

В 1941 году в Дробицком Яру нацисты расстреляли всех евреев Харькова.

В 1955 году их вторично убила советская власть, убрав слово «евреи» и написав на обелиске безликое «жертвы фашистского террора».

Сейчас, превращая место трагедии в парк культуры и отдыха, мы убиваем их в 3-й раз.

Доколе?!

В газете «Дайджест Е» №8(73) за 2005 год в статье «22 августа в 10.00 мы встречаемся на мемориале в Дробицком Яру» я уже писала о положении с Мемориальным комплексом еще при прежнем руководстве, затем было письмо мэру города Г. А. Кернесу от еврейских организаций и общины города — наши просьбы и замечания были учтены. Но пришло новое руководство КП и возвратило все обратно.

Моя статья в газете 8 лет назад заканчивалась словами: «Природа изменила ландшафт и будет его менять дальше. Но все большее число специалистов подерживает нас и считает, что всю эту территорию надо оставить в покое — эти овраги и холмы, покрытые природной растительностью, воздействуют эмоционально сильнее, чем любые памятники»...

Давно пришла пора избавляться от провинциализма и способствовать формированию позитивного международного имиджа Харькова.

ИЗ АРХИВА ХАРЬКОВСКОГО МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА

Первый митинг после освобождения Харькова был организован в Дробицком Яру 23 августа 1944 года. По распоряжению председателя горисполкома Селиванова и 1-го секретаря обкома Чураева были выделены грузовые машины — американские «студебеккеры», и сотни харьковчан собрались у могил. Тогда еще вспоминали, что здесь расстреляли евреев.

Я, мальчишка, был с мамой, и хорошо помню, как она обратила мое внимание на валявшиеся детские ботиночки. Там много еще валялось старых, никому ненужных вещей — что было лучше уже давно разобрали.

Второй митинг состоялся в Дробицком Яру 23 августа 1945 года, но власти о евреях уже не вспоминали.

Рельеф Дробицкого Яра очень изменился с тех пор. Время, да и в 60-е годы по распоряжению председателя Орджоникидзевого РИК Матюхина, туда начали свозить строительный мусор, сбрасывая его прямо на могилы расстрелянных. (Из воспоминаний харьковчанина Якова Абрамовича 1932 г. р.)

В этом году исполнилось 50 лет введения статуса «Праведник народов мира» («хасидей умот ха-олам» на иврите), который присваивается гражданам оккупированных нацистской Германией или союзных с ней стран, с риском для собственной жизни спасавших преследуемых евреев.

Критерии присвоения звания «Праведник народов мира» были определены в 1963 году. На именном медали выгравирована надпись: *«В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».*

На 1 января 2013 года Яд ва-Шем признал Праведниками мира 24811

человек из 47 стран, в Украине их — 2441. Признанные Праведники народов мира — это мужчины и женщины, люди разных национальностей и религий, верующие и атеисты, люди всех профессий и возрастов, образованные и неграмотные, богатые и бедные. Объединяют этих людей высокие нравственные

качества, когда, независимо от обстоятельств, в условиях жестокого террора они остаются Людьми и готовы оказать помощь тем, кто оказался в безвыходном положении.

История Жанны Даман — это малоизвестная история об одной из таких мужественных женщин.

Анастасия Альпер, Брант-Рок, Массачусетс

ЖАННА ДАМАН

Вот героиня, не оставившая по себе захватывающих воспоминаний. И никто, похоже, так и не рассказал о ней подробно. Во всяком случае, я не могу найти ни одной книги, где бы о ней упоминали больше, чем в нескольких строках. А между тем, она спасла сотни жизней. Звали её Жанна Даман.

Место действия — Брюссель, 1942 год. К этому времени в Бельгии уже во всю силу действовали нюрнбергские законы, и, в частности, еврейским детям запрещено было ходить в одни школы с нееврейскими детьми, и им фактически негде учиться. Евреи в спешке организуют школы и детские сады, подбирают учителей. Руководит всем Фела Перельман, жена Хаима Перельмана — самого молодого профессора логики и права Брюссельского университета и — по совместительству — координатора всего бельгийского еврейского подполья.

В Бельгии вообще всё было не как у других: глава немецкого оккупационного правительства, генерал вермахта, лично участвует в спасении многих евреев; профессора Перельмана просят уволиться из университета по собственному желанию, а он из принципа отказывается — и ему сохраняют зарплату

Жанна с одной из коллег «Nos Petits»

при условии, что он не будет читать лекции; еврейских детей исключают из школ, но директор брюссельского отдела образования рекомендует лучших людей в создаваемые еврейские школы и детские сады.

Одной из рекомендованных им преподавательниц и была Жанна Даман. Жанне двадцать один год, она учительница начальной школы с некоторым уже опытом работы. Молоденькая бельгийка католического вероисповедания, не особо набожная, как я

«Nos Petits». Дети завтракают, Жанна стоит у окна

понимаю (могу и ошибаться). Фела Перельман предложила ей работать в еврейском детском садике «Nos Petits» — и она немедленно согласилась. Садик оказался не маленький — триста двадцать пять ребят-шек, и Жанна стала его директором.

До этого Жанна Даман с евреями вообще не общалась — не знаю, как ей это удавалось, но так утверждает краткая ее биография в «Яд ва-Шем» — ни друзей, ни знакомых, никого.

Окончание на с. 4

В МИРЕ КНИГ

«Сохрани мои письма...» // Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3-й. / Составители: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова. // Под ред. и с предисловием И.А. Альтмана. — М.: Центр «Холокост», 2013

Третий выпуск переписки и дневников периода Великой Отечественной войны из коллекций и фондов Научно-просветительного Центра «Холокост» содержит около 250 письменных документов и редких фотографий. Почти все они поступили на хранение из личных архивов родственников авторов писем, проживающих в России, ближнего и дальнего зарубежья, в последние три года. Большинство этих документов публикуется впервые. Интерес вызывают письма о жизни в эвакуации, драматические истории детей, выживших в годы Холокоста на оккупированной территории благодаря своим спасителям.

Особую ценность представляет корпус дневников, в том числе партизанского командира Э. И. Гурвича и участника Сталинградской битвы А. Гершгорна.

Интересен и глубокий анализ Ильи Альтмана «О некоторых особенностях писем и дневников советских евреев периода Великой Отечественной войны», предваряющий новый сборник.

«ПОЧЕМУ ИЗ ВСЕХ НАРОДОВ БОГ «ВЫБРАЛ» ИМЕННО МОЙ?»

Алексей (Алтер) Соломонович Гершгорн (1914-1985) родился в Сатанове (Украина). Закончил еврейскую семилетку, позже рабфак, Харьковский университет, защитил кандидатскую диссертацию. Ушел на фронт добровольцем, отказавшись от брони. В начале войны лейтенант Гершгорн командовал огневым взводом. Участвовал в боях под Харьковом весной-летом 1942 г., в Сталинградской битве, освобождении Украины. Начальник разведки бригады, замначальника штаба 5-й Отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады. Закончил войну в звании майора. Две его сестры и два брата погибли в оккупации, брат Михаил тяжело ранен на фронте. Автор нескольких учебников по теории вероятности. Несмотря на запрет, вел во время войны дневник.

Удивительны некоторые безжалостные оценки советского военного руководства на страницах дневников фронтовиков. Попадали они в руки «особистов», авторам, наверняка бы, не поздоровилось... Вот как оценивал А. Гершгорн советское военное руководство в связи с неудачным наступлением под Харьковом, когда «дело это заранее не продумано и при выполнении его сопровождается шумом и бестолковщиной». В годовщину начала войны он записал: «Несомненно, что в нашей «блестящей победе», кроме других факторов, сыграли свою роль такие, как бездарность некоторых высших командиров».

ЖАННА ДАМАН

Окончание. Начало на с. 3

И вот теперь в качестве директора еврейского детского сада в еврейском квартале Брюсселя ей пришлось не только наблюдать жизнь своих подопечных, но и участвовать в ней — и в самое неподходящее время: дискриминация, изоляция, массовые аресты — всему этому она стала свидетельницей. И это навсегда изменило ее жизнь. Летом 1942-го нацисты принялись депортировать бельгийских евреев в концлагерь. Ребенок не приходит в садик, директор звонит ему домой, а оказывается, что всю семью арестовали — и так чуть ли ни каждый день. Другие дети приходят, осиротев за ночь, — депортировали родителей. Родители, знавшие или подозревавшие о грозившем

Групповой портрет, на пиджаке одной из воспитательниц — звезда Давида

Жанна и дети «Nos Petits»

им аресте, прятали детей у родственников или знакомых, а вскоре начали обращаться за помощью и к Жанне. Стало ясно, что детсад придется закрыть, а детей спрятать. Жанна связалась с сетью детских домов (Oeuvre Nationale de l'Enfance (ONE)), которую возглавляла активная подпольщица Ивон Невьян, и с бургомистром брюссельской коммуны Уккел. С их помощью ей удалось спрятать всех детей в безопасных местах.

Садик «Nos Petits» закрылся, но его директор без дела не осталась. Всё больше и больше еврейских детей по всей стране в одночасье теряли семьи. И снова Фела Перельман обратилась за помощью к Жанне Даман — кто-то должен был тайно отвозить детей в новые семьи, в детские дома, в монастыри. И снова Жанна согласилась. Ее работа становилась всё секретнее и секретнее, она встречала ребенка на трамвайной остановке, и они вместе уезжали на другой конец страны. Со многими из них она потом поддерживала связь. Не только детям, их родителям тоже старались найти убежище — многие матери жили по фальшивым паспортам и работали прислужкой в бельгийских домах. Жанна сопровождала их на место новой работы, снабжала документами и продуктами, старалась как можно чаще сообщать им о здоровье и жизни их детей. Так постепенно она стала самой настоящей подпольщицей, и однажды самое настоящее подполье обратилось к ней с такой просьбой: помочь с ликвидацией нацистских коллаборационистов.

Жанна и тот самый профессор теоретической физики...

выживших родственников тех детей, у кого погибли родители. В 1946-м Жанна Даман уехала в Соединенные Штаты и вышла замуж за профессора литературы Калифорнийского университета Альдо Скальоне.

Ценили эту женщину профессор: профессор логики и права снабжал ее фальшивыми паспортами, за профессора литературы она вышла замуж, а профессор теоретической физики в знак признательности подарил ей свой портрет.

Живя в Америке, Жанна совместно с еврейскими общественными органи-

Жанна на конференции United Jewish Welfare, 1958

зациями собирала деньги в пользу молодого государства Израиль.

Я не знаю в точности, когда умерла Жанна Даман. По-видимому, во второй половине восьмидесятых, а в 1987-м ее муж учредил в память о ней премию в области литературы — «Aldo and Jeanne Scaglione Prize», ее присуждает Ассоциация современных языков Америки (Modern Language Association of America (MLA) — <http://www.mla.org/>) за лучший перевод книги, за лучший сравнительный анализ, за лучшее произведение на одном из современных языков, и т.д.

Дерево имени Жанны Даман растет в Аллее Праведников мира в «Яд ва-Шем» в Иерусалиме с 1971-го года

Это всё, что я знаю о Жанне Даман. Буду рада любым дополнениям, уточнениям, исправлениям.

Анастасия Альпер, Брант-Рок, Массачусетс

«Дайджест • Е»

Учредитель: **ХОК «Дробицкий Яр»**

Издатель: **Харьковский музей Холокоста**

Рег. свид. ХК№241 от 05.01.1995г.

Главный редактор **Лариса Воловик**
Верстка **Сергея Рожкова**

Наш адрес: 61024, Украина,
Харьков, ул. Петровского, 28

Телефоны редакции:
(057) 700-49-90, 714-09-59

<http://holocaustmuseum.kharkov.ua/>

E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.com

**Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»**

Типография издательства «Харків»
Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 19.08.2013 г.

Заказ № 3-141

Подписной индекс 21785